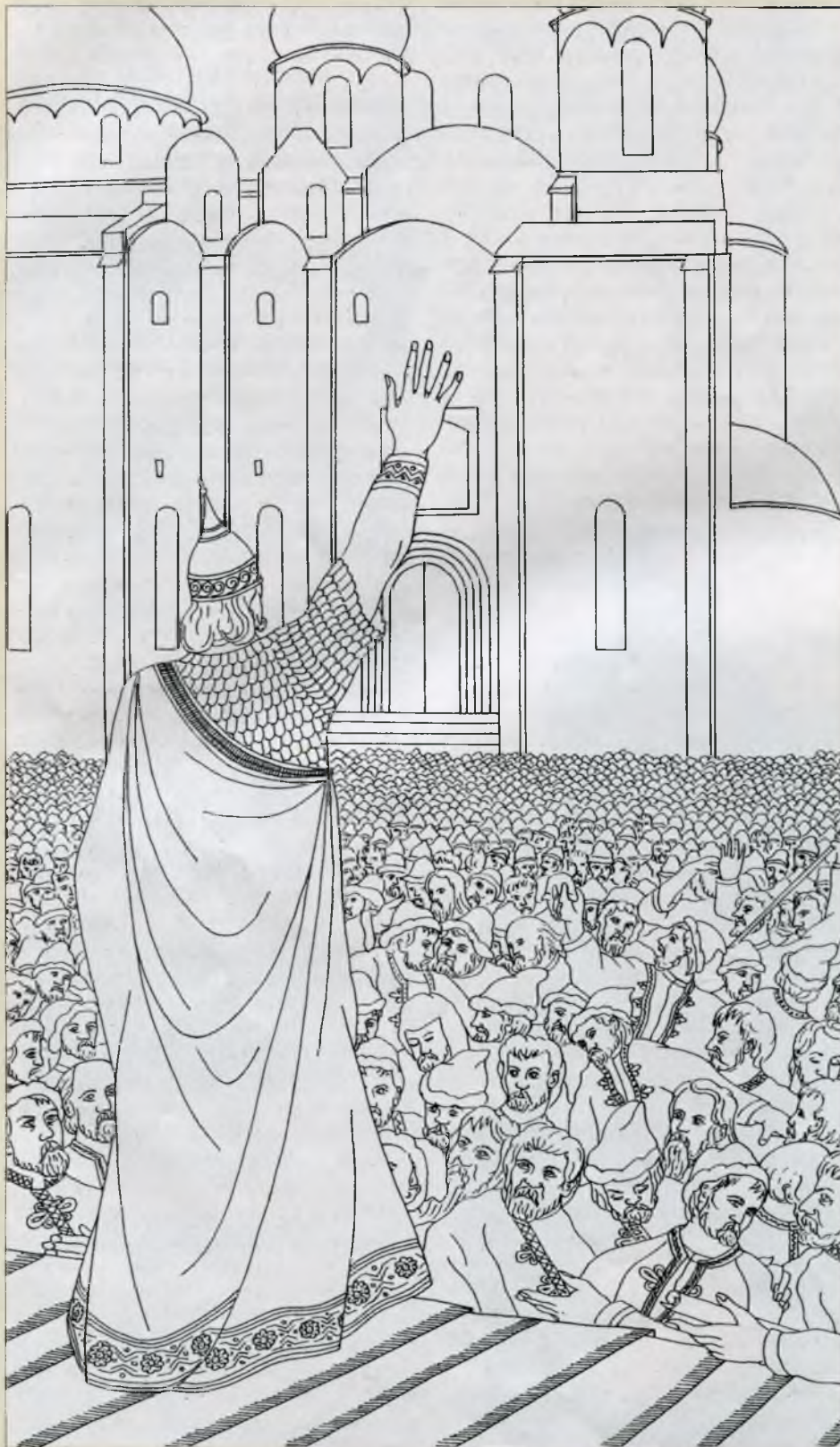

Андрей ПЯТНОВ,
Александр РУКАВИШНИКОВ

Новгородский князь и киевское вече

Двумя основными политическими силами в жизни древнерусского города, его «полюсами напряжения» были вече и князь. Историки уже давно отказались от мысли, что вече представляло собой орган волеизъявления всех горожан. Напротив, оно находилось под полным контролем со стороны истинных «хозяев города», условно называемых боярами. Ожесточенные сражения боярских группировок за власть в городе, подобные борьбе Монтеки с Капулетти в средневековой Вероне, характерны как для Киева, так и для Новгорода. В ход шли все средства — убийство, подкуп, грызня на вече, приглашение «дубовных» князей...

Две столицы

Политическая история Киева и Новгорода изучена весьма подробно. Однако есть одно обстоятельство, заставляющее еще раз вернуться к этой проблеме: историки XIX и XX веков на первое место ставили поиск специфических, уникальных черт в политическом устройстве Киева и Новгорода, исходя из очевидного факта, что судьбы этих центров в конечном итоге оказались столь непохожими одна на другую. Им важно было уловить вектор развития «днепровской и волховской столиц», изучить оба феномена в динамике. Действительно, такой подход имеет огромное научное значение. Мы же предлагаем посмотреть на проблему исторических судеб Киева и Новгорода с иной точки зрения — с позиции поиска общих черт в развитии двух центров Руси в XII — первой трети XIII века — и попытаемся проследить принципиальное сходство политических систем Киева и Новгорода.

Проблема взаимоотношений Киева и Новгорода — одна из ключевых в истории Древней Руси. И это неудивительно, поскольку оба центра стояли у истоков древнерусской государственности, занимая выгодное географическое положение, позволявшее контролировать путь «из варяг в греки».

Киев — столица Древнерусского государства — сохранял свое политическое и экономическое значение вплоть до 1130-х годов. Смерть Мстислава Великого в 1132 году обозначила начало постепенного политического упадка Киева. После захвата Киева войсками владимиросудзальского князя Андрея Боголюбского в 1169 году роль киевских князей в общерусской политической жизни резко уменьшилась, и даже освобождение от владимиросудзальской опеки не привело к возвращению былого статуса. Самостоятельной династии в Киеве не сложилось, что также не способствовало стабильному развитию княжества, поскольку постоянные смены князей влекли за собой и изменение политического курса.

В истории Новгорода XII век занимает особое место, поскольку именно в это время шло

Вече. Рисунок Ю. А. Хмелецкого.

активное формирование основных «вечевых вольностей» горожан. В междукняжеских отношениях роль города на Волхове была исключительной. Новгородские «дани» являлись ключевой статьёй дохода великих киевских князей, что делало «северную столицу» постоянным объектом борьбы киевских и владимири-суздальских правителей.

В историографии по данной проблематике можно наметить контуры трех основных направлений. Одно из них отмечает сильную княжескую власть в Киеве в качестве противовеса роли веча в Новгороде. Такая трактовка политического устройства Киева и Новгорода характерна как для многих представителей дореволюционной историографии, так и для классиков советской исторической науки — Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова¹.

Второе направление стоит особняком и представлено работами петербургского историка И. Я. Фроянова и его учеников². Ими была создана концепция развития Древней Руси как отдельных «городов-государств», представлявших собой отдельные замкнутые единицы в рамках города и его ближайшей округи. При этом Фроянов отводит незначительное место в политической структуре «городов-государств» князьям, ставя на первое место вече.

Наконец, третье направление, представленное ведущими специалистами-медиевистами России и Украины, нацелено на поиск уникальных черт в развитии Киева и Новгорода. На Украине зарождение традиции «уникальности» развития Киева, да и в целом юга Руси по сравнению с севером, отмечено в работах М. С. Грушевского. В настоящее время наиболее ярким представителем этого направления в отношении Киева является П. П. Толочко. По его мнению, «руководящая роль и преимущественное право представительства» на вече «принадлежали верхам общества»; «при сильном князе этот узкоклассовый орган был послушным придатком верховной власти, при слабом — зависимость могла быть и обратной»³.

В России подобное направление связано с именем В. Л. Янина, посвятившего всю жизнь изучению Новгорода. Он отмечает, что «то государство, которое образовалось на севере в результате призвания варягов в середине IX века, было основано на принципах строгого соблюдения приглашенным князем и его дружиной выработанных новгородцами условий... Киев изначально развивается как монархия, Новгород же до конца XV столетия придерживается начал первоначальной государственности, возникших еще в докняжеский период. Это вече, посадники, которые продолжают традиции родоплеменных старейшин, тысяцкие (военачальники и т. д.)»⁴.

Вече в Киеве

Источники донесли до нас отдельные яркие эпизоды деятельности киевского веча. 16 апреля 1113 года умер великий князь Святополк Изяславич. Состоявшееся после этого вече призвало в Киев Владимира Всеволодовича

Мономаха, княжившего тогда в Переяславле. Однако поначалу Владимир отказался, после чего «Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на Жиды и разграбиша я»⁵. Затем в обстановке волнений в Киеве состоялось второе вече, повторившее приглашение и одновременно предупредившее переяславского князя о возможных последствиях отказа: «...аще ли не поидеше... то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь (жена Святополка Изяславича. — А. П., А. Р.) твою, и на бояры, и на монастыре...» В результате Владимир Мономах занял киевский стол.

Еще одним ярким проявлением деятельности киевского веча стали события 1146–1147 годов. 1 августа 1146 года умер великий киевский князь Всеволод Ольгович, завещавший великокняжеский стол своему брату Игорю. 2 августа в Киев въехал Игорь Ольгович. Для заключения договора — «ряда» с новым князем состоялось не одно, а два вечевых собрания. Наиболее логичное, по нашему мнению, объяснение этого факта дал И. Я. Фроянов. Он считает, что оба вечевых собрания решали коренный вопрос социально-политической жизни Киева, связанный с избранием нового князя. Второе вече понадобилось для того, чтобы Игорь присягнул киевлянам, поскольку обычай требовал обоюдной клятвы⁶.

Высока была активность киевского веча и в первое княжение Изяслава Мстиславича (13 августа 1146–1149). Так, в 1147 году вече, собранное по вопросу об организации похода против Святослава Ольговича, предупреждало киевского князя об опасности конфликта с Юрием Долгоруким: «Княже! Не ходи с Ростиславом (Мстиславичем Смоленским. — А. П., А. Р.) на дядю своего, лучше с ним помириться, Ольговичам не верь и не ходи с ними в поход»⁷.

А 19 сентября 1147 года именно киевское вече приняло решение об убийстве Игоря Ольговича, принявшего к тому времени монашеский постриг. Вече объявило брату киевского князя Владимиру Мстиславичу о своем намерении умертвить Игоря⁸. Несмотря на протесты Владимира, постановление веча было немедленно приведено в исполнение: толпа выволокла Игоря «съ Мстиславля двора» и, протаскив по городу до великокняжеского двора, зверски убила его.

«Ряд» князя с вечем был обязательным атрибутом вступления нового правителя на киевский стол. Единственным, кто нарушил эту традицию в XII веке, был Юрий Долгорукий, что было связано со специфическими взаимоотношениями этого князя и верхушки киевской городской общины. Киевская аристократия, несомненно, была отягощена самовластным правлением Юрия Долгорукого и большим притоком суздальцев в Киев. 15 мая 1157 года, проболев пять дней после пира у осьменника Петрилы, Юрий Долгорукий умер в Киеве. Существует версия о том, что он был отравлен на этом пиру.

К сожалению, сообщения о действиях киев-

ского веча в летописи весьма отрывочны, но даже по этим фрагментам можно составить представление о его активности.

Князь в Новгороде

В начале 1130-х годов в Новгороде сидел князь, устраивавший новгородское боярство во всех отношениях: Всеволод Мстиславич родился и прожил всю жизнь в Новгороде, он был внуком Владимира Мономаха и сыном особенно популярного на берегах Волхова князя Мстислава, сидевшего на новгородском столе более 20 лет. Однако со смертью Мстислава, правившего в Киеве последние 7 лет жизни (1125–1132), ситуация изменилась. В Южной Руси началась затяжная борьба за перераспределение столов между сыновьями и внуками Мономаха (Владимировичами и Мстиславичами), а также Всеволодом Ольговичем Черниговским. Всеволод Мстиславич, несмотря на данное им новгородцам обещание «хощю у вас умерети», совершил в 1132 году затяжной и безрезультатный вояж в Переяславль, где намеревался сесть на княжение. Как отметил летописец, «с заутрея же седе в нем» Всеволод, а «до обеда выгна и (его. — А. П., А. Р.) Юрьи, стрый (дядя. — А. П., А. Р.) его»⁹. Возвращение Всеволода в Новгород получилось бурным: сначала новгородцы вместе с псковичами и ладожанами выгнали не сдержавшего слово князя, а затем, одумавшись, догнали «в Устьях» и вернули обратно. Дальнейшие события в Южной Руси — серия обменов княжеских столов, в результате которых брат Всеволода Изяслав оказался обделенным, — вынудили часть новгородцев, сторонников Мстиславичей, говорить о войне, чтобы добыть Ростов и Суздаль для Изяслава. С некоторыми несогласными новгородцы поступили вполне традиционно: «...убиша муж свои и вергоша (сбросили. — А. П., А. Р.) с моста»¹⁰. Поход на Суздаль, начавшийся ранней осенью 1134 года, провалился: новгородское войско, раздраемое противоречиями, дойдя до верховьев Волги, повернуло назад. На обратном пути новгородцы сменили посадника — вместо Петрилы Микулинича им стал Иванко Павлович. Тем не менее на этом новгородцы не успокоились — прямо под Новый год (31 декабря) они вновь выступили в поход, который проходил в тяжелых условиях («мраз, въялица, страшно зело»). В битве на Ждане горе 20 января 1135 года их ждало жестокое поражение: были убиты и новый посадник Иванко, и старый — Петрило, и много других знатных новгородцев¹¹.

Несмотря на то что при участии новгородцев зимой 1135/36 года был заключен мир между Ольговичами и сыновьями Мономаха, а Изяслав Мстиславич получил во владение Владимировольскую землю, дни Всеволода в Новгороде были сочтены. В Южной Руси уже возшла звезда черниговского князя Всеволода Ольговича, нанесшего ряд тяжелых поражений Мономашичам и приобретшего множество сторонников на берегах Волхова. Несмотря на то что новгородским посадником был брат Петрилы — Константин Микулинич (ярый сторонник Всеволода

Мстиславича), 28 мая 1136 года состоялась небольшая «революция»: князь с женой, детьми и тещей оказался под стражей на епископском дворе, а на княжение был приглашен брат черниговского князя, Святослав.

Дальнейшие события еще больше накалили разгоревшиеся страсти. 15 июля Всеволод наконец был отпущен из города, но в заложниках был оставлен его сын Владимир. Через 4 дня в Новгороде появился Святослав Ольгович. Полетели головы очередных «диссидентов»: сторонники нового князя «кубиша Юрга Жирославича и с мосту свергоша»¹². Следующий виток противостояния пришелся на зиму и раннюю весну 1137 года — епископ Нифонт отказался венчать Святослава с дочерью новгородского боярина Марией, заявив князю: «Ты не достоин брака с нею»¹³. Пришлось собственным попом Ольговича венчать князя. Впрочем, «медовый месяц» вышел коротким: сторонники Мстиславича организовали покушение на Святослава. Он чудом остался жив. Очевидно, что душой заговора был посадник Константин Микулинич, бежавший 7 марта 1137 года к Всеволоду в Вышгород. Уже через несколько месяцев Всеволод, а вместе с ним Константин и другие сторонники Мстиславичей, объявились в Пскове. Это вызвало настоящий мятеж в Новгороде:

часть боярства открыто перешла на сторону внука Мономаха, перебежав в Псков. Их дома были преданы разграблению. Святослав и новый посадник Якун Мирославич начали очередную кохоту на ведьм»: все заподозренные в симпатиях к Всеволоду бояре вынуждены были отдать по полторы тысячи гривен (огромную сумму по тем временам) на войну с Мстиславичем. Летописец с горечью отмечает: «Досягоша и не виноватых!» Поход на Псков окончился ничем, однако уже 11 февраля 1138 года в Пскове умер князь Всеволод.

Через 3 месяца, 17 апреля, новгородцы выгнали Святослава Ольговича. Этот шаг был мотивирован прежде всего тем, что весной 1138 года положение Всеволода Ольговича Черниговского в Южной Руси было весьма непрочным — против него выступили, объединившись, все Мономашичи. Однако уже через год ситуация кардинально изменилась: черниговский князь занял киевский великокняжеский стол, а вслед за этим Святослав Ольгович вернулся в Новгород. Наступило время для торжества посадника Якуна и его партии: Константин Микулинич и его ближайшие товарищи —

Полюд Гостятинич, Демьян и иные — были доставлены в окопах в Киев. Но недолгим было торжество: ранней весной 1141 года Святослав, не желая вновь сидеть под стражей, как это случилось три года назад в Смядынском монастыре, бежал под покровом ночи из города. Якун, справедливо опасаясь репрессий со стороны партии Мстиславичей, бежал вслед за князем. Ему не повезло: его поймали, затем вместе с братом Прокопием избили, раздели и сбросили с моста в Волхов. Однако братья смогли выбраться на берег. Подивившись их живучести, новгородцы решили «ограничиться» штрафом в 1000 гривен для Якуна и 100 гривен для Прокопия и ссылкой в Чудь, где братьев держали, приковав руки к шее¹⁴.

Не менее жестоко расправлялись в Новгороде со своими политическими противниками и в дальнейшем. Например, в 1208 году подверглась разгрому политическая группировка Дмитра Мирошкинича. Дмитр был сыном посадника Мирошки Нездинича, умершего в 1204 году. В 1205 году, после приезда в Новгород на стол старшего сына владимирского князя Всеволода Большого Гнездо, Константина, высшую административную должность занял сам Дмитр. Через 3 года князь Константин и Дмитр во главе новгородского войска помогли великому князю

В. Ф. Стожаров. Новгород. 1970 г.

Всеволоду сломить сопротивление рязанских князей. На радостях великий князь не только щедро одарил новгородцев, но и «вда им волю всю и уставы старых князей... и рече им: «Кто вы (вам. — А. П., А. Р.) добр, того любите, злых казните»¹⁵. Для «простодушных» новгородцев слова владимирского князя прозвучали, словно призыв к действию. Очевидно, на руку им оказалось и то, что Константин вместе с тяжело раненым в ходе рязанской кампании Дмитрием остался во Владимире. За долгие годы посадничества Мирошки (1188–1204, с перерывами) и Дмитра (1205–1208) они, их родственники и ближайшие товарищи серьезно «облегчили» городскую казну и кошельки горожан. Все награбленное под девизом «экспроприация экспроприаторов» было изъято у Мирошкиничей. Летописец пишет, что «сокровищ изискаша и поимаша бес числа», «а что кто похватил, а того един бог ведает». В разгар погрома из Владимира был доставлен гроб с телом умершего от ран Дмитра. Несколько горячих голов из числа новгородцев собирались осуществить уже традиционный «ритуал» — сбросить покойника с моста в Волхов, однако архиепископ Митрофан удержал сограждан от вандализма. Дмитра похоронили в Юрьевом монастыре. Мирошкиничи — сыновья умершего посадника Володислав и Борис, Твердислав Станилович и Овстрат Домажирович — были сосланы во Владимир. Как видим, политическая борьба в Новгороде зачастую выливалась в насилие, причем нередко это происходило либо в моменты отсутствия князя, либо в то время, когда на берегах Волхова сидел слабый и нерешительный (вроде Всеволода Мстиславича) или малолетний правитель.

Тоска по «сильной руке»

Появление «сильного» князя — опытного политика и мужественного воина — в Новгороде и Киеве чаще всего в корне меняло ситуацию. Страсти утихали, боярские противоречия уходили на второй план, недовольные подавлялись.

Лучший пример тому — правление в Киеве Владимира Мономаха (1113–1125) и его сына Мстислава Великого (1125–1132), привлекательные личные качества которых выгодно сочетались с политическим талантом и полководческим мастерством. Княжение в Киеве Ростислава Мстиславича (1159–1161, 1161–1167) в чем-то напоминало правление его выдающихся предшественников, хотя и проходило в изменившихся политических условиях, когда Киев постепенно уступал свои позиции общерусской столице.

Иной способ укрепиться на киевском столе показал Всеволод Ольгович (1139–1146). Отличительной чертой его стиля правления стали хитроумные политические комбинации, позволявшие контролировать ситуацию в Киеве и в русских землях в целом.

Однако существовали и другие примеры. Например, Вячеславу Владимировичу (1139, 1150, 1151–1154), несмотря на свое старшинство в роде Мономашичей, не только не уда-

лось удержаться в Киеве, но и в течение более чем 10 лет пришлось провести в периферийных владениях, не играя при этом существенной политической роли на общерусской арене. Лишь благодаря своему племяннику Изяславу Мстиславичу, пригласившему дядю в Киев для укрепления авторитета собственной власти, Вячеславу удалось вновь вернуться в столицу, хоть и в качестве номинального соправителя племянника.

Еще более унижительной для древней столицы была ситуация, сложившаяся в 1169–1173 годах, после разгрома Киева войсками владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского. На протяжении четырех лет в Киеве правила князь, фактически выбранные Андреем Боголюбским и находившиеся под его контролем.

Кратковременным, но богатым на события оказалось княжение на Волхове Мстислава Ростиславича, младшего сына Ростислава Смоленского и внука Мстислава Великого. Младший Ростиславич в свои неполные 40 лет приобрел славу отличного воина, лучшего полководца Южной Руси. 1 ноября 1179 года он прибыл в Новгород. Не мешкая, он организовал грандиозный поход 20-тысячного новгородского войска на «поганую» чужд, в котором русским сопутствовал безоговорочный успех. На обратном пути Мстислав смирил псковское боярство, выступившее против его племянника — Бориса Романовича. Вернувшись в Новгород, Ростиславич тут же организовал новый поход, на Полоцк, предлогом к которому была «историческая обида», нанесенная новгородцам Всеславом Чародеем еще в 1066 году. Тогда полоцкий князь не только ограбил Софию Новгородскую, но и отнял у новгородцев один погост (!). Лишь вмешательство брата Мстислава, смоленского князя Романа, остановило смелого князя-воина. Дело в том, что в Полоцке сидел ставленник Ростиславичей, муж их сестры, Всеслав Василькович. К сожалению, уже 14 июня 1180 года Мстислава Ростиславича не стало. Летописец отмечает, что более всех «плахуса по нем лепшии мужи Новгородстеи» (т. е. бояре): «Ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше заиде»¹⁶. Через 83 года нечто подобное скажет над гробом другого князя-воина, Александра Невского, митрополит Кирилл. Смерть Мстислава восприняли как трагедию «все множество Новгородское: и силнии, и худии, и нищии, и убозеи...».

30 лет спустя к новгородцам приехал другой Мстислав, сын Мстислава Ростиславича, и сказал коротко и ясно: «Кланяюсь святей Софии, и гробу отца моего, и всем новгородцем; пришел есмь к вам, слышав насилие от князь (князей. — А. П., А. Р.), и жаль ми своя отчины». Новгородцы ответили не менее кратко: «Поиди, княже, на стол». Началось десятилетнее великопелное княжение Мстислава Удатного.

Это были годы, когда слава о новгородцах распространилась по всей Руси: не единожды Мстислав водил их с успехом на чужд, они побеждали черниговских Ольговичей и захватывали Киев, разбивали дружины сыновей Всеволода

Большое Гнездо — Юрия Владимировского и Ярослава Переяславльского. Стоило Мстиславу покинуть в 1215 году Новгород как при новом князе Ярославе Всеволодовиче среди новгородского боярства начались свары и раздоры. Вернулся Мстислав — воцарился мир и порядок. В 1216 году новгородцы еще раз доказали превосходство своего оружия в драматичном бою на реке Липице. В Липицкой битве были разгромлены дружины двух сильных князей Северо-Восточной Руси — Юрия Владимировского и его брата Ярослава. Мстислав же Мстиславич еще раз подтвердил свой незаурядный полководческий талант. Однако через два года новгородцам пришлось искать себе другого князя. На вече, собранном на Ярославовом дворе, князь сказал так же просто и ясно, как 8 лет назад: «Кланяюсь святей Софии и гробу отца моего и вам. Хочю поискати Галича, а вас не забуду: дай Бог лечи у святей Софии и у гроба отца своего кость своя положити»¹⁷. Долго новгородцы упрашивали Мстислава остаться, но он был непреклонен. В 1219 году автор Новгородской летописи специально отметил, что бывший новгородский князь сел-таки на столе в Галиче. После отъезда Мстислава Мстиславича боярские склоки вспыхнули с новой силой и длились без перерыва почти два десятилетия, пока на новгородском столе не утвердился князь Александр Ярославич.

На протяжении XII — первой трети XIII века князь и вече оставались двумя главными силами в политической жизни двух крупнейших центров Восточной Европы — Киева и Новгорода. Оба института жили полнокровной жизнью, причем периодами роль боярских группировок и веча возрастала, а временами практически сводится на нет. На столах в Киеве и Новгороде мы видим либо правителей слабых, нерешительных, простодушных, либо, наоборот, выдающихся князей, мужественных воинов, умелых дипломатов, жестких политиков. Приоритет князя или боярской верхушки зачастую зависел от личных качеств.

И в Новгороде, и в Киеве мы видим взаимодействие князя с городскими боярскими кланами. В обоих городах так и не сложилось постоянных княжеских династий. Нам кажется, что коренных различий в общественной жизни двух политических центров Руси в XII — первой трети XIII века не было. Таким образом, противопоставление «вечевого» Новгорода и «княжеского» Киева в данную эпоху едва ли возможно.

Примечания

1. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1993. С. 544, 546.
2. См., например: Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. 1988.
3. Толочко П. П. Древняя Русь. Киев. 1987. С. 230.
4. Янин В. Русь на Волхове//Родина. 1999. № 8. С. 24.
5. ПСРЛ. Т. 2. М. 1998. Стлб. 275.
6. Фроянов И. Я. Древняя Русь: опыт исследования истории социально-политической борьбы. М.; СПб. 1995. С. 270–271.
7. ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 344.
8. Там же. Т. 1. Стлб. 317.
9. Там же. Т. 2. Стлб. 295.
10. Там же. Т. 3. С. 207.
11. Там же. С. 208.
12. Там же. С. 209.
13. Там же.
14. Там же. С. 212.
15. Там же. С. 248.
16. Там же. Т. 2. Стлб. 610.
17. Там же. Т. 3. С. 259.